

О чём думают современные подростки

Внутренний мир современного подростка совершенно прозрачен и полностью закрыт. Вот такой парадокс.

Почему прозрачен? Да потому, что он тотально зависит от американизированного масскульта. Посмотрите очередной супергеройский блокбастер, и вы будете знать всё, что думают современные подростки (в случае девочек можно посмотреть очередной клон «Сумерек» или «Монстр-хай»). Можно возразить: ведь не все подростки видели конкретно этот новый фильм. Но будьте уверены, модные рэперы, компьютерные игры, телесериалы говорят ровно о том же.

Весь вал масскультурной продукции пережёвывает одни и те же две-три мысли, отсюда и такое подавляющее идеологическое воздействие на неокрепшие мозги. Наши подростки находятся в цепких лапах массовой культуры, они абсолютно одинаковы и предсказуемы (в том числе в своём стремлении к непредсказуемости и оригинальности).

Почему же тогда их внутренний мир закрыт? Да потому, что никому, кроме корпорации «Дисней» и её клонов, в голову подростка входа нет: ни родителям, ни учителям, ни писателям. Разве они могут конкурировать с раскрученными образами-брендами, в продвижение которых вложены миллионы долларов? Пожалуй, единственный выход—это полностью мимикрировать под тот самый масскульт. Но этот путь требует игры по чужим правилам. А игра по чужим правилам—это заведомый проигрыш.

В общем, наши подростки оказываются для нас иностранцами, аборигенами, инопланетянами.

Сомнительный демократизм

В свете вышеизложенного любопытно взглянуть на литературный конкурс «Книгуру», посвящённый произведениям для подростков, как на попытку писателей прорваться на чужую и запретную территорию. При этом, как с гордостью отмечают организаторы, «Книгуру»—единственный в мире литературный конкурс, в котором окончательное решение принимают школьники

десяти—семнадцати лет. В этом году лауреатов выберет специальное подростковое жюри».

Ну что же, звучит демократично. Однако это сомнительный демократизм. наших подростков необходимо воспитывать, прививать им вкус. Ибо сейчас этот вкус упал ниже плинтуса. В своём нынешнем состоянии подростки, конечно, выберут что-нибудь запретно-похабное—не то, что потянет их вверх, а то, что будет потакать их стереотипам.

На это нам возразят, что шорт-лист сформировало жюри профессиональных литераторов, а подросткам предлагается выбрать уже из отобранного и проверенного списка. Но тогда это и сомнительный демократизм. Прямо как в жизни: где-то за кулисами для вас выбрали список из пяти-шести негодяев, и вам предстоит «самостоятельно» выбрать из них президента.

Так что демократизм конкурса «Книгуру» странен и смахивает на показуху. Но это частности. нас интересуют сами авторы и их способы работы с подростковой темой.

Кстати, хочется отметить, что почему-то все писатели делали героями своих книг именно подростков. Всё-таки книги для подростков—это не обязательно книги про подростков. Литература может вводить подростков в мир взрослых, демонстрировать им модели взрослого и ответственного поведения, задавать образцы. Но это к слову. Переходим к самим произведениям. В финал попали пятнадцать авторов. Мы не будем разбирать каждый текст—рассмотрим лишь некоторые яркие примеры.

Ольга Мареичева

«Девочка-девочка...»

Ольга Мареичева пошла как раз по вышеописанному пути: потакая вкусам современных подростков, написала «ужастик», опираясь на советский детский фольклор про жёлтые шторы, красные перчатки и так далее. Выбор фактуры мне представляется удачным: многие отечественные авторы уже обращались к теме детских «страшилок», но тема до сих пор не заезжена и не исчерпана.

В результате у Ольги Мареичевой получается довольно увлекательная история.

Но дальше встаёт вопрос: а зачем нам была рассказана эта история? Посмотрим на классика и законодателя жанра ужасов—Стивена Кинга. Ужасы являются для него лишь формой, способом донести определённую моральную, философскую или гражданскую идею. Например, «Кладбище домашних животных» говорит о том, что неумение принять мысль о неизбежности смерти может серьёзно покалечить жизнь человека; «Зелёная миля» восстаёт против расизма и уродств американской пенитенциарной системы и так далее.

В основе каждой «страшилки» Кинга лежит сугубо человеческая история. Мы переживаем за персонажей, потому что их мысли и чувства нам понятны и близки. Вот и организаторы конкурса подчёркивают, что «эксперты „Книгуру“ часто отдают предпочтение „проблемным“ текстам».

Что же останется в истории Ольги Мареичевой за вычетом мистики? Девочка мечтает купить красные перчатки, а бабушка не разрешает. Обкатанная маскультом ситуация: подросткам хочется поярче наряжаться, а взрослые не разрешают—считают это вульгарным. Рынок скормил подросткам весьма выгодную идею: хотите продемонстрировать свою оригинальность—купите себе модные тряпки, повесьте пёстрые шторы, устройте себе модную обстановочку. Вот подростки и бегут за оригинальностью не в библиотеку, а в тату-салон или парикмахерскую—красить волосы в голубой цвет.

Не кажется ли вам, что спор о шторах—это слишком мелко и не стоило расписывать историю на много страниц, чтобы рассказать нам об этом?

Не знаю, может быть, попытка донести какую-то мысль присутствует вот в этом отрывке:

Всё началось, когда в больницу попала моя прапрабабка. Её, бабушкина, бабушка. Тогда родня тоже собирала деньги, неофициально, конечно,—медицина была бесплатна, и все были равны. Это значило, что бабушке предстояло лежать наравне со всеми: в коридоре. Ну, если повезёт, в палате человек на пятнадцать. Небольшой, но толстенный конверт сделал чудеса: бабушку положили в небольшую палату, где лежало всего шесть старушек.

Вот тут я честно не понял, что хотела сказать автор... что бесплатная медицина—это плохо? что тогда медицина была хуже, чем теперь? Простите, с советских времён (ведь против них ополчается Мареичева) количество больниц в стране резко сократилось и продолжает сокращаться, количество койко-мест было урезано в разы! То есть сегодня ситуация выглядит гораздо хуже.

Почему Мареичева не сетует на то, что было мало больниц, не призывает развивать здравоохранение? Вместо этого её не устраивает, что когда-то «все были равны». Ей хочется, чтобы

люди были *неравны*, чтобы «все остальные» были выброшены из больницы и в больницах лечились только бабушки плохих писателей? Вот такие «оговорочки по Фрейду» способны опозорить любого автора и убить к нему доверие и всяческий интерес.

Людмила Потапчук

«Та, которая шкаф»

Людмила Потапчук пошла иным путём. Она отодвигает мистику на второй план (во вторую часть повествования) и открыто заявляет некую актуальную для подростков проблему—проблему травли со стороны сверстников. Интересно, на контрасте, выстроена и композиция первой части: описание жестоких издевательств одноклассников над главной героиней перемежается с воспоминаниями о том, как прекрасно они все между собой дружили прежде.

Это здорово интригует: что же такое произошло, что разрушило дружеские отношения с одноклассниками (и даже с классной руководительницей) и превратило жизнь главной героини в ад?

А пока мы знакомимся с подробностями её истории. Шура, естественно, новенькая в классе, но сначала её отношения со сверстниками складываются превосходно. Шура увлекается музыкой, а в школе есть аж два музыкальных кружка—один явно «плохой», а другой «хороший»:

«Лучики» вела вялая Юльборисовна. «Лучики» были как раз для «просто попеть». Пели, правда, в «Лучиках» такие песни, про которые Шурина бабушка после одного отчётного концерта сказала вполголоса Шуриной маме, что они у неё вот уже пятьдесят лет как сидят в печёнках. Нона Петровская в своём «Ваганте» песен из бабушкиных печёнок не признавала. Те, кто от неё не убежал, устраивали на сцене, как она сама выражалась, трэш и угар.

То есть «Лучики» были плохи тем, что в нём пели песни прошлых лет? Да что же это такое снова?.. Чем это писателям советское прошлое поперёк горла встало? Ведь совершенно очевидно, что современным подросткам Советский Союз попросту неинтересен. К чему выбирать в качестве объекта критики нечто давно и бесповоротно ушедшее? Так безопаснее? Думается, да. Советское прошлое является одобренным свъше объектом для критики, как «царский режим» в СССР,—ругайся на здоровье!

И всё-таки этот конфликт между двумя музыкальными кружками выглядит натянутым. В жизни не видал бабушек, которым не нравились бы песни их молодости. И что же в таком случае предпочитала Шурина бабушка—Егора Крида и «Кровосток»? Среди моих знакомых есть такие, кто вовсе не застал «проклятый совок», но советские

песни очень даже любят. То же, кстати, относится и к знаменитейшим отечественным рокерам: Егор Летов, Андрей Макаревич, Борис Гребенщиков, Фёдор Чистяков, Сергей Чиграков — все с удовольствием исполняли со сцены советские песни, хоть «оттепельные», хоть времён «культы личности».

Ну хорошо, пропустим этот авторский пунктик насчёт советских песен. Чем же ещё занимались в «хорошем» музыкальном кружке? Оказывается, там готовились праздновать Хэллоуин:

— *А разве Хэллоуин — не бесовский праздник? — неловко спросила клавишница Алёна Голованова. — У нас в школе говорили...*

— *Ерунду у вас в школе говорили! — всполыхнула Нона Петросовна. — Чем им там, в вашей школе, не угодил канун Дня всех святых? Кельты им там мне нравятся? Чужие культуры им там не нравятся?*

Вот это поведение Ноны Петросовны, которую Людмила Потапчук всячески выставляет в качестве «правильного» преподавателя, мне совершенно не нравится. Даже если Нону Петросовну лично не устраивало, чему и как учат детей в школе, она повела себя совершенно непедагогично. Прежде чем науськивать детей против других преподавателей, не следовало ли подумать... о детях? Ведь получается, что ради собственной популярности среди детей она ставит их в конфликт с их окружением.

Готова ли она нести ответственность за этот конфликт? По ходу развития сюжета Нону Петросовну из школы «попросили», а её конфликтные дети остались наедине с теми, с кем их Нона Петросовна поссорила.

Кстати, и Хэллоуин-то тоже является запатентованным продуктом всё той же американизированной массовой культуры. Ведь не от древних кельтов подростки узнают про него, а из модных мультяшек и фильмов.

И наконец, выясняется, что испортило отношения Шуры с одноклассниками: неудачное выступление на каком-то смотре. Вдохновлённая Ноной Петросовной Шура исполняет рок-балладу собственного сочинения — что-то про «печальную ведьму». И вот тут уже начинается фантастика... Нет, не та, когда замкнувшаяся в себе героиня попадает в потусторонний мир, а совсем другая.

Песня про ведьму *почему-то* вызывает возмущение у взрослых и у отборочной комиссии, в результате чего *почему-то* комиссия не допускает к участию в городском конкурсе весь Шурин класс, а классная руководительница *почему-то* сваливает всю вину на одну Шуру, а одноклассники, ещё вчера прекрасно дружившие с Шурой, *почему-то* превращаются в жестоких монстров и начинают её травить.

Сразу четыре фантастические натяжки в одном повороте сюжета! Во-первых, не то что к року, а и ко всем остальным проявлениям масскульту

на школьных праздниках у нас относятся с трепетом и обходительностью. На детских праздниках мы уже видели и стриптиз, и попотрясение в костюмах пчёлки. А тут какая-то рок-баллада... какая-то «печальная ведьма». Может быть, лет сорок назад это бы кого-то и шокировало, но точно не теперь.

Во-вторых, где это видано, чтобы городская комиссия или классный руководитель повели себя подобным непедагогичным образом? Прямо как-то все звёзды сошлись в повести Потапчук: в ней нет ни одного сколько-нибудь вменяемого взрослого! Да и злоба одноклассников выглядит слишком «запрограммированной». Всё это необходимо автору, чтобы поставить и попытаться решить проблему травли. Но вместо решения она, автор, эту проблему усугубляет.

Она настаивает: не оглядывайся на других, делай что хочешь. Но вообще-то суть пребывания в обществе как раз и заключается в том, чтобы уметь оглядываться на других, учитывать их интересы, предвидеть последствия своих действий. Хочется тебе исполнить песню — подумай: а точно она понравится слушателям? А то у нас под окнами регулярно молодчики на машинах с громкими аудиосистемами «радуют» окружающих свежими достижениями отечественного рэпа. Чем Шура лучше них?

Потапчук нудно и подробно расписывает нам Шурины несчастья, но ведь в этих несчастьях виновата... только сама Потапчук. Она выдумала неправдоподобную ситуацию и поместила в неё героев. Конечно, травля в наших школах бывает, но корни у неё, как правило, совсем иные. Разобраться в этих корнях, предложить некое решение тем, кто оказался объектом травли, — эта задача Потапчук явно не по силам.

Она лишь расписывает нам, какие все вокруг плохие — не оценили тонкой души героини. То есть автор пестует подростковый нарциссизм в себе и в своих читателях и в итоге создаёт какой-то пасквиль на людей. А ведь даже у злодеев бывает своя правда. Понять правду другого — в этом залог преодоления вражды и отчуждения. Потапчук же уводит читателей от этого решения.

Лариса Романовская

«Наутилус останется»

Произведение Ларисы Романовской лично мне понравилось больше всех. И проблема в нём поднята не дежурная, а вполне актуальная и наболевшая — проблема эмиграции. Мальчику Вите вместе с мамой предстоит переезжать на постоянное место жительства в США, там уже работает его папа.

И правда, эмигрируют сегодня все: жители Севера и Дальнего Востока России бегут от холодов и безнадёги на юг, деревня стягивается в города, провинциалы рвутся в столицу, а столица — за границу. Куда рвётся за граница, нам неизвестно — может

быть, на Луну вслед за Илоном Маском. Такая вот мировая перекачка людей.

И мальчику Вите предстоит переезд из Москвы в Америку. Ситуация знакомая, но богатая возможностями для писателя. Можно глазами подростка показать разницу жизни «у нас» и «у них». И это хороший повод задуматься над тем, чем же мы дорожим в своей стране, познать себя. Помнится, в начале девяностых и у моей семьи была похожая ситуация — отцу поступило предложение выехать за границу с семьёй. Помню, что я был в восторге: ведь там я смогу смотреть иностранные мультики каждый день!

Впрочем, годков мне было тогда совсем немного, меньше, чем мальчику Вите. А Витя уже подросток и кое-что должен понимать. Увы, мальчик Витя оказывается типичным подростком — то есть полнейшим овощем. Его волнуют компьютерные игры, масскультурные персонажи и прочая жвачка. Лариса Романовская весьма реалистично рисует поведение и внутренний мир современного подростка. Вот его ощущения перед отъездом:

Витя смотрел теперь не на потолок, а в стену. Сбоку, за письменным столом, стояли его ящики с игрушками. «Лего», биониклы, черепашки-ниндзя, шарики от «Киндеров», детали и фигурки всякие...

Постойте, но ведь это всё американское — вот в чём штука. Получается, что различия между «там» и «тут» стираются. Автор честно ищет, но не находит какие-то особые черты российской жизни. Может быть, потому, что Москва — это всё-таки не Россия? Мне кажется, дело не в этом. Романовская копнула куда глубже, чем собиралась. И это признак хорошей литературы.

Её произведение показывает, что современный подросток и так живёт в Америке. Психологически, культурно. Какой тут может быть культурный шок от переезда? Он расстанется со своими друзьями? Но Витя точно так же расстался бы с ними, если бы уехал, скажем, в Норильск. Пожалуй, для него отъезд в Норильск был бы ещё тяжелее, чем в другую страну. А играть в онлайн-игры можно и в США.

Гораздо сильнее по поводу переезда переживает Витина мама, но она тоскует не по родине:

А мама вдруг ладонью по столу.

«Да отстань ты от меня! Я же в Штатах никем буду! Я же из-за тебя еду!»

Да, это проблема. Но ведь мама наверняка была бы никем и в российской глубинке, где почти не осталось рабочих мест для учёных, писателей, экономистов или кем она там работает. А если бы и для мамы нашлось хорошее рабочее место в Штатах, тогда проблема расставания с родиной, перемещения в чуждую культурную и языковую среду исчезла бы?

Романовская пытается поставить проблему родины, расставания с нею... и не может. И дело

не в творческом бессилии автора (творческие силы у неё есть), а в том, что само понятие родины, похоже, радикально преобразилось, изменило свои очертания.

Папа пишет мальчику Вите:

«Я тебе дрон купил». И прислал фото коробки.

Папа этот дрон обещал привезти в Москву. И чтобы запускать всем вместе — с Лёхой, с Яриком, с Серым. У них в парке, на Язуе. Не в Америке!

То есть родина — это место, где лучше запустить американские (а на деле, конечно, китайские) дроны? Но это, повторюсь, не претензия к автору. Романовская искренне пытается вместе с мальчиком Витей отыскать признаки, черты современной России и не может этого сделать. Вот ещё одна попытка:

На чужом этаже [школы] на стенах тоже были рисунки к Девятому мая, гимн и герб. И трёхцветная рамочка — как длинный флаг. Витя не знал, этот флаг ещё его или уже не очень. И не мог вспомнить, какие в Америке герб и гимн.

Неужели уезжающему мальчику жалко двуглавого герба и переделанного советского гимна? Родина — это флаг? Или это — пасхальное яйцо, которое Витя видит на другом стенде? А вот то, что мальчик запомнил линолеум, что его вдруг потянуло на урок к своим, — это почему-то трогает, кажется чем-то настоящим, непридуманном.

И вот мама и сын перед отъездом идут в последний раз прогуляться по городу:

Получалось, будто они сейчас в Москве совсем одни. Будто это новый город, они в него только приехали и совсем никого тут не знают.

Подведём итог. Ситуация отъезда ставит перед нами вопрос: а есть ли откуда уезжать? Где мы живём? Жизнь героя состоит из конструктора LEGO, ниндзя-черепашек, компьютерных игр, планшетов — что же он теряет? Культурно он уже живёт в Америке. Сакраментальный вопрос «с чего начинается родина?» встаёт перед нами во весь рост. И нам, жителям современной России, придётся отвечать на него заново. Та песня была про другую страну.

Вот только произведение Романовской вряд ли будет оценено подростками. Слишком недетская тема. Это скорее тянет на хорошую взрослую литературу.

Дмитрий Сиротин

«Родинка на щеке»

Ситуация, описанная в повести Дмитрия Сиротина, экстраординарна: его главный герой оказался в психиатрической лечебнице. Во многом история, которую нам рассказывает Дмитрий Сиротин, напоминает истории Марейчевой и Потапчук — это снова противостояние яркой оригинальности против окружающей серости.

Психушка, как и полагается, является метафорой несвободного и безумного общества. Тут даже запрещён доступ в Интернет:

Мы должны смотреть только телевизор. Только то, что всем показывают. Чтобы не могли выбирать — и нечаянно выбрать что-нибудь не то.

Мне кажется, намёк достаточно прозрачен. Но, на мой взгляд, противопоставление Интернета телевизору по принципу «свобода/несвобода» — ложно. Ведь и в Интернете подростки смотрят всяческую чушь. Так уж устроен Интернет, что он никогда сам по себе не предложит пользователю нечто умное и глубокое. Он всегда предложит только самое пошлое и примитивное. Скажем, чтобы отыскать в Интернете музыку Гэри Мура, надо уже заранее знать этого музыканта.

Если просто набрать в поисковике «хорошая музыка», получишь гору ссылок на премерзейшую попсу. Так что никакой свободы выбора Интернет не даёт, поскольку скрывает от пользователя само наличие этого выбора.

Кстати, выходит, что если у героя тоталитарные врачи отобрали телефон, по которому он так тоскует, то это пошло герою только на пользу, ибо благодаря отсутствию Интернета он взялся вести свой дневник, стал задумываться, внимательно присматриваться к окружающим людям. Пожалуй, я бы так и сделал: отобрал у подростков их гаджеты, — всё равно они там одну ерунду разглядывают.

Но вернёмся к повествованию. Надо сказать, что слог у Сиротина лёгкий, непростую жизнь своего героя он описывает с большой долей лирического юмора, не впадая в зубоскальство. Читать повесть приятно. Да и сам герой довольно необычен. В отличие от героев предыдущих историй, у него есть внутренний мир, он задумывается над разными жизненными и философскими проблемами, пытается решать их в своём дневнике.

Что волнует героя?

Ну, любовь, конечно. Несправедливость всякая. В школе и в мире. А про что же ещё писать?

Мне кажется, писать надо про то, что действительно волнует, а не так, что — цветочки, мишки-зайчики...

Совершенно очевидно, что это не только позиция героя, но и авторская позиция. И она, на мой взгляд, совершенно правильная. Писать надо о самом важном, о наблевшем. И герой Сиротина оказывается в довольно типичных для подростка кризисных ситуациях. Помнится, Лимонов как-то верно сказал, что школа не учит нас главному: как реагировать на унижение, как поступать в случае неудачной любви и так далее. Вот во все эти ситуации Сиротин помещает своего героя: он безответно влюбляется, он сталкивается с хулиганами, он скучает по ушедшему из семьи отцу...

Увы, ни одну из заявленных, действительно важных для многих подростков, проблем автор не решает. Он лишь более или менее талантливо фиксирует их. Нельзя шесть решением и финал повести: одноклассники и мама начинают бережнее относиться к герою после того, как он попадает в психушку. Какой же урок может извлечь юный читатель из такого финала? Что надо вызвать к себе жалость, впасть в истерику, тогда все проблемы решатся сами собой?

Давайте присмотримся к созданному Сиротиним герою и художественному миру повести, чтобы разобраться в корне проблемы.

Герой Сиротина — ярко выраженный гуманистарий. И тут сразу возникает один серьёзный перегиб: обгоняя одноклассников по литературе и русскому языку, занимаясь литературным творчеством, мальчик отстаёт во всём остальном. Я понимаю, так бывает, наверняка в этом присутствует и автобиографический элемент. Но герой стремится замкнуться в своей гуманитарности, а всё остальное преподносится нам как вторжение в его хрупкий «поэтический» мир.

Сиротин совершает ту же ошибку, что и Людмила Потапчук: он срывает своего героя (и пытается поссорить нас) с окружающим миром. Все вокруг такие грубые, бездуховные... Одноклассники — грубы (высмеивают влюблённость героя), учителя авторитарны (заставляют заниматься физикой и химией), соседи по психушке неадекватны. Особенно почему-то чужие мамы герою не нравятся (и автором показаны без симпатии).

Конечно, присутствуют в мире повести и хорошие люди: папа девочки Наташи (гитарист), папа главного героя, санитарка Оля. Но все эти «хорошие» персонажи слишком интеллигентны и потому беззащитны, не приспособлены к жизни. Таким образом, мир «Родинки на щеке» отчётливо разделён на два лагеря: беспомощные, но одухотворённые интеллигенты-гуманитарии и приспособленные, но толстокожие простые люди. Грубо говоря, интеллигенция и хамы.

Эта оппозиция крайне порочна. Ибо магистральной темой всей отечественной культуры был поиск путей сближения интеллигенции и народа, а современные авторы, напротив, ищут путей от народа, путей отдаления. Такая позиция не только неприлична, она ещё и проигрышна. Ведь именно затаённые страхи и неприязнь к окружающим и становятся причинами замкнутости героя, его одиночества и всех его жизненных проблем.

Сиротин, возможно, сам того не осознавая, превозносит своего лирического героя над презренной толпой. Но чтобы стать любимым, надо научиться любить и понимать людей, чтобы не бояться хулиганов, надо завести побольше хороших друзей. А если будешь свысока плевать на весь свой народ, то что тебе останется?